У огня друид обсох, согрелся и взбодрился. Неожиданно раскопал землю сбоку от костра — и достал оттуда завёрнутый в лист лопуха кусок мяса. Палочкой, которой раскапывал его из углей, пододвинул его Баки и больше не смотрел — сам сел поодаль и принялся жевать какие-то корни и листья, поглядывая на небо, и Баки знать не знал, откуда они у него, и почему бы им не разделить трапезу. Всё одно, только они в этом лесу и остались. Не у кого спрашивать совета о том, как им быть. Никто не подскажет.

Но запах печёной оленины выбил из головы все мысли. Заботясь об отвыкшем от пищи животе, Баки нарезал мясо на тонкие полоски — и половину завернул обратно в лист, убрал в суму на лежавшем рядом поясе. Пригодится. Мясо было едва пропечёное, сладковатое, молочно-розовое. И словно посыпанное сверху чем-то пряным, что если бы Баки не был уверен, что ему чудится — подумал бы на друида. Он ел каждый кусок, подцепляя ножом, не замечая толком, как они тают между зубами. Остаток утра до того, как солнце вошло в зенит, каждый провёл на своей стороне поляны. Баки как был нагишом, точил свой единственный нож, сидя задницей на лапнике. Друид что-то перебирал в заплечной суме, и Баки не сразу поднял глаза, когда тот подошёл ближе. В его руке белела большая, чуть изогнутая костяная игла. У его матери была такая же, Баки помнил это смутно, словно покинул замок полжизни назад. Друид был хмурый и смотрел на обрубок руки, словно решался на что-то. А потом ущипнул себя за руку, оттягивая кожу, и приставил к ней иглу. Взглядом указал на культю. Взял подол надетой рубахи там, где ткань была порвана надвое, и свёл концы.

И Баки внезапно осенило — может, мальчишка немой? Не говорит от рождения? Это бы многое объяснило. И почему тогда, в шатре… он не сказал ни слова. Что он хочет от него? Стянуть кожу на обрубке? Зачем?

Мальчишка вздохнул. Отошёл за костёр — и, вернувшись, принёс ему свою деревянную флягу. Ту самую, куда сцеживал свежую кровь. Разве она не должна была свернуться? Не раздумывая, друид вытащил пробку и сунул флягу Баки под нос. Взглядом приказал — пей. И Баки принюхался. Пахло свежей кровью, словно и не прошло больше дня с тех пор. А ещё пахло травами — дурманящими, странными, от которых слюна начала приходить быстрее. Баки взял флягу в руки, случайно касаясь пальцами чужих, холодных — и мальчишка отдёрнул их, отскакивая на шаг. Вот, опять. Баки отчего-то не разозлился сейчас. Он начал пить, смакуя каждый глоток, холодным железом растекающийся на языке и после расцветающий огненными травяными цветами. Вкус такой, как если бы кровь стала вином. Он не понял, сколько именно выпил, когда фляга исчезла из его руки. Понял только, что попал куда-то в другое место, и вокруг него кружили женщины, и тонкие пальчики помогали снимать с него пояс. И они ласкали его, завлекая улыбками, и гладили по волосам и плечам, и Баки лениво раскинулся на ложе, сладко предвкушая, которая же из них сядет на его изнывающий от желания член. И одна женщина выбилась из общего круга и, подобравшись к левой руке, открыла вдруг рот с острыми, как у лесной кошки, зубами — и кровожадно укусила его. Боль прошила от руки до самого затылка, расцвела в голове чёрным цветком и утащила Баки в темноту.

Когда он очнулся, первым делом прикрыл глаза рукой — солнце светило ему на лицо, и оно явно миновало зенит. Обрубок руки болел страшно, и боль отдавалась во всём теле, словно бродила внутри и никак не могла найти выхода. Глухо простонав, Баки попытался усесться и понял, что чувствует себя сносно. Если не считать боль. Он посмотрел на культю — но та снова была аккуратно и крепко обмотана уже высохшей у костра тряпицей, захватывая ещё и грудь,

и плечо. Хорошая тугая повязка с чуть проступившими розовыми пятнами снизу. Что друид делал с ним? И когда он сам уже перестанет вот так просто принимать из его рук всё, что бы тот ни предложил? Когда тот приготовит ему яд?

Баки коротко вздохнул. Друид вытащил его, когда ворон хотел уже выклевать ему глаза. Он почти умер, когда тот вернул его к жизни. Поэтому жизнь его была в чужих руках, но привыкнуть к этому было ой как нелегко.

Он оглядел поляну. Друид, снова одетый в свою хламиду, придремал в солнечном пятне, оперевшись спиной на еловый ствол. Собственную рубашку Баки нашёл у себя, пониже живота, неаккуратно накинутой на причинное место. И улыбнулся.

http://erolate.com/book/3459/83610